

ДР 84
П 58

Петр Попов

Осенние цветы

Серия «Семейная
библиотека поэзии»

0Р84
7-58

84/2Рос=РУСБ-5

Приложение к газете Н.Н. Каскадов

Петр Попов

Осенние цветы

Оренбург 8005 Оренбумиздат

«Печатный дом «Димур»» 8005 Оренбумиздат

2008 ОРЕНБУРГСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
УНИВЕРСАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Н.К. КРУПСКОЙ

15 0-308146

Опять стою на берегу Урала,
Горит в лучах закатная струя.
Грустит душа, но сердце не устало
Любить свои родимые края.
С деревьев лист слетает пожелтевший,
Над рощей воздух голубой упруг.
И стаи птиц под солнцем охладевшим
С прощальным криком тянутся на юг.
Извечный круг и встреч, и расставанья!
И всем понятна их земная речь.
Я вдаль кричу: «Родные, до свиданья,
До новых встреч! До вешних добрых

встреч!..»

И эхо повторяет стоголосно,
И вянет по оврагам тишина.
А старый клен на берегу с откоса
Роняет листья, будто имена.

* * *

Ветер, ветер,
Голубой в лугах.
Чуткий стрепет
Бьет его в крылах.
Ягод в травах
Отсвет зоревой.
В реку вправлен
Месяц молодой.
Я тебя не встретил –
Ты сама пришла,
Пахнущая ветром,
Хлебом из села.
За реку уплыл ли
Говор тракторов?
Стадо пропылило
Золотых коров.
Боль моя и радость,
Ветер голубой!
Ничего не надо,
Быть бы лишь с тобой,
Что пришла из сини,
В сердце отдалась,
Родиной-Россией
Гордо назвалась.

Оренбург, а на Руси.

Сюда свет, ^{неко обнрпнмбдлтев хн R}
Мой город и пылен, и грязен. ^{отсбр хн R}
На сером асфальте – озnob... ^{жкпом-хА}
Здесь знай типчаковых азий, ^{шюбмуд эН}
Здесь тень одряхлевших европ. ^{всеби}
Здесь шли караваны когда-то, ^{мок ж все}
И многое помнит Урал: ^{акод в, ятоибдт}
Лихих степных азиатов ^{в, тоибдт N}
И всех пугачевщин оскал... ^{N нечою, в}
Ветры шумят, как в горниле, ^{все чнтибдт}
Текут по степи ковыли. ^{ж купкафада}
Здесь ходят старинные были, ^{мицаток ж}
И клены поблекли в пыли.

Пусть город мой пылен и грязен, ^{***}
Но узел в нем встречных троп: ^{опсбтоП}
Здесь знай типчаковых азий, ^{шюбмуд}
Здесь тень одряхлевших европ. ^{ж в энM}

За тобою поминаю нын мит, ^{жкун юг А}
И вернутся ^{жкун юг}
Я по лунной дорожке ^{всегдя}
Эта ночь стане ^{буским} до чуда может оти, ^{от N}
И с землею, и с небом в ладу.

Я их взглядами приворожен,
Я их часто вижу во сне...
Ах, сколько девчат хороших,
Не думающих обо мне!
Все проходят куда-то мимо,
Все к кому-то спешат, идут,
Отдаются с болью любимым,
И прощают, и любят, и ждут.
И весною, в теплынь, и в порошу
Все считают до встречи дни...
Ах, сколько ребят хороших,
К которым спешат они!

За реку упльшил в нпкэлдоп янгэл

Погасло огнище заката,
Взошла высокая луна.
Мне в жизни многое не надо,
А ты нужна, ты мне нужна.
Твой ясный лик, твои ресницы,
И тяжесть русая косы,
И то, что ты могла родиться
В сердце отдалась,
Родиной-Россией
Гордо называлась.

Не где-то там, а на Руси.

Березы свет, зарю рябины

Ты вобрала в себя сполна,

Характер плавных рек равнины

И ясность солнечного дня.

Светлы с тобой и дни и ночи,

И оттого понятно мне,

Что та земля, где ты хлопочешь,

Родней и ближе мне вдвойне.

* * *

Есть в весенних закатах отрада.

Есть отрада в восходе луны.

Ничего мне сегодня не надо;

И ничьи мне глаза не нужны.

Я свои лишь немного прикрою —

Задрожит на ресницах звезда.

Я души потайник свой открою,

За тобою пошлю поезда.

И вернутся они, и с тобою

Я по лунной дороге пойду.

Эта ночь станет нашей судьбою,

И с землею, и с небом в ладу.

Над Беляевской солнце яро.
У излучины, у реки
Разбежалось село над яром,
За рекой – золотые пески.
Дальше – лес.
Дальше – новое русло.
Дело сельских рабочих рук.
А южнее равниной русской –
Все поля да поля вокруг.
Все здесь дорого мне и любо,
И высок здесь полет души.
Деревенские добрые люди,
Их глаза – васильки во ржи.
С ними я и в огонь, и в воду,
И дорога у нас одна.
И сейчас сидим на природе,
И за чаркой доброй вина
Мы решаем сельские нужды,
И текут разговоры рекой.
И ничто на земле нам не чуждо:
И Оттого на душе – покой.

* * *

Река ломает зимний лед.
Прекрасно это время года!
По лужам солнце ходит вброд,
В сердцах меняется погода.
Ты на меня взглянула так –
Звезда скатилась с небосвода!..
Я вновь мальчишка, я чудак.
И ночь опять летит бессонно.
Я снова юный и влюблен,
И счастья, счастья сердце хочет...
А у дороги старый клен
Узлы развязывает почек!

* * *

Всю ночь созревали бутоны.
А утром свершилось чудо:
Цветы распускались со стоном,
Совсем потеряв рассудок...
Царила над миром власть их –
Красой не насытишь взгляда.
Знали, что кратко их счастье.
А может... А может, так надо?!

Фантомные боли

Да, раны болят к непогоде...
Фантомные боли – страшней!
Жестокая память природы –
Загадка еще для врачей.
И сердце пожаром запалит,
Зараз очернит белый свет:
Болит лишь единственный палец –
Которого нет...
К чему говорю я об этом?
Чего это вздумалось мне?
Да все я о том же на свете,
Да все о прошедшей войне.
Давно не гремит канонада.
Спокойны ребячы сны,
Но боль инвалида-солдата
Кричит продолженьем войны.
Поблеклые губы солдаток
Все шепчут мужей имена,
Что к ним не пришли в сорок пятом...
Для них все грохочет война.
Их боль никогда не стихает,
С годами не стала слабей.

И мать до конца ожидает
Ушедших на фронт сыновей.
И, может быть, письма им пишет...
Живущий, той скорби внемли!
Вновь память кричит о погибших
Фантомною болью земли!

Лебеда

Иду я, здоровый и молодой,
Золотистой иду лебедой.
Нет ни горя мне, ни беды,
Нету дела до лебеды...
Светит солнце,
Зреют хлеба.
Скоро в поле пойдет молотьба.
Налит светом, простором, дождем,
Каждый колос здоров и ядрен
И, пожалуй, висит золотей
Снизки солнечных карасей.
Сердцем весел, бреду в никуда.
Под ногами звенит лебеда.
Что ж, звени, звени, лебеда!
Далеко то горе-беда,

Что забыта и не забыта,
Что кормила нас не досыта
Та военная наша беда –
Золотистая лебеда.
Не хочу говорить о том,
А хотел рассказать о другом:
Что я весел,
Что зреют хлеба
И что скоро пойдет молотьба...
Просто мне хорошо порой
Золотистой пройти лебедой.

Военное детство. Скудно с едою.
Как трудно тогда календарь дни листал!
Я ел черный хлеб пополам с лебедою,
Его как обиду и радость глотал.
И этого было порою не вдоволь,
Хоть горек и черен, зато это хлеб!
Добытый, нелегкий, колхозный и вдовий,
С него я и вырос, с него и окреп.
Военные годы! Я видел огонь их,
Как пухли с гнилых колосков животы.
С годами не стала слабее, беда от окраин

Я знал дистрофию и в смертной агонии
Голодные синие детские рты...
Я те времена вспоминаю все реже,
И стоит ли сердце прошедшим мутить?
Но память – не нитка. Ее не обрежешь,
И горечь не выплюнуть, не проглотить!

Мне на спалось. Из комнаты я вышел:
Зависла над землею тишина.
Иконным лицом по покатым крышам
Катилась неущербная луна.
Я вспомнил мать, всегда в своей заботе,
Друзей своих, ушедших навсегда.
Быть может, оттого на темном небосводе,
Сгорая, падает безвестная звезда.
Иду один, как инок, меж домами,
Грустят деревья темные вдали...
Когда мы любим, остаются с нами,
Хотя от нас давным-давно ушли.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного
произведения невозможно в связи с ограничениями
по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской
областной универсальной научной библиотеке
им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул.
Советская, 20; тел. для справок: (3532) 77-92-66